

20-е ДУЛЬЗОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

29—30 мая 1997 г. факультет иностранных языков Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) провел очередные, 20-е чтения, посвященные памяти А. П. Дульзона и приуроченные к 60-летию факультета. В работе конференции приняли участие около ста ученых преимущественно из городов Сибири (Томска, Новосибирска, Бийска, Новокузнецка, Салехарда, Ханты-Мансийска, Северска, Колпашево, Красноярска, Кемерово), а также ряд практических работников национального образования и культуры Томской области и Ханты-Мансийского автономного округа. Международный характер придало конференции участие в ней исследователей из Германии и Израиля. Проведены пленарное и четыре секционных заседания по трем секциям: «Этносы Сибири: язык и культура», «Романо-германские лингвистические исследования» и «Методика преподавания иностранных языков». Все эти темы были частью многосторонней научно-исследовательской и преподавательской деятельности А. П. Дульзона.

Конференцию открыл вступительным докладом ректор ТГПУ В. И. Слободской (содокладчик О. А. Осипова). Он отметил, что традиционные конференции проводятся с 1973 г. — года кончины выдающегося ученого-лингвиста лауреата Государственной премии СССР профессора А. П. Дульзона, с деятельностью которого связана значительная часть жизни факультета, отмечающего свое 60-летие. А. П. Дульзон создал те основы лингвистической науки, которые развиваются в различных направлениях и в настоящее время. За годы своей деятельности он подготовил 21 кандидата наук по германистике и 24 — по языкам народов Сибири. Семеро его учеников стали докторами наук (3 — по германистике, 4 — по языкам народов Сибири). Под руководством А. П. Дульзона и лично им самим собрано большое количество материалов по языкам Сибири, причем они постоянно пополняются. В настоящее время в архиве Лаборатории языков народов Сибири насчитывается более 150 томов полевых записей, которые каталогизированы сотрудниками лаборатории Т. И. Поротовой и Н. П. Максимова и готовятся к публикации.

О. А. Осипова в докладе «Об истории проведения Дульзоновских чтений» проследила развитие тематики и результатов исследований, представленных на предыдущих чтениях. Конференции отразили широчайший спектр исследований как в научной, так и в прикладной сферах: сбор языковых материалов малочисленных народов Сибири; полная документация соответствующих языков; их всестороннее исследование, разработка теоретических положений в области фонетики, грамматики, лексикологии, лексикографии, топонимики; подготовка на надежной теоретической основе учебно-методической литературы для учебных заведений разного уровня — от начальной школы до вуза (буквари, учебные словари, дидактические материалы и пособия).

Научный сотрудник Томского областного музея Т. В. Галкина, «Закрытые страницы из истории факультета иностранных языков», поведала об интереснейших фактах, связанных с массовой кампанией против советской научной интеллигенции с конца 1930-х по начало 1950-х годов. В Томском педагогическом институте после ряда уничижительных проверок в разряд «неблагонадежных лиц, преклоняющихся перед иностранщиной», были отнесены такие высококвалифицированные специалисты, как заведующий кафедрой немецкого языка проф. А. П. Дульзон и заведующий кафедрой английского языка проф. П. Ф. Ливин.

А. М. Малолетко в докладе «Миграции древнего населения и проблема языковых семей» изложил свою версию расселения человека разумного от его прародины (Околосредиземноморье и долина Нила) по трем направлениям: 1) австрийскому (южное побережье Азии, далее двумя ветвями — на юг в Австралию и Океанию, на север по восточному побережью Азии и через Камчатку и Алеутские острова в Америку), 2) бореальному (северная Европа и далее через Урал в Сибирь до Байкала), 3) африканскому. На прародине формировалась языковая общность (не праязык!), на миграционных путях — свои языковые мега-семьи (австрийская, бореальная и африканская).

Последний пленарный доклад «Становление самоедологии как науки» Н. Г. Кузнецовой (Томский архитектурно-строительный университет) и Ю. А. Морева (ТГПУ) зачитал Ю. А. Морев. Докладчик проследил развитие самоедологии как одного из разделов уралистики, начиная со времен М. А. Кастрена и до наших дней. На современном этапе развитие самоедологии как комплексной дисциплины происходит на базе глубоких исследований по всем аспектам строя самодийских языков — фонетики и фонологии, морфологии и синтаксиса. Перспективны исследования по лексикологии, а также по национальной культуре и духовным ценностям самодийских народов. Наряду с развитием «вглубь» самоедология активно развивается «вширь». Она испытывает ошутимое воздействие общей типологии и одновременно обогащает типологию уникальным материалом. Самоедологические исследования ведутся как в синхронном, так и в диахронном планах. В докладе отмечен вклад различных центров и отдельных ученых в становление и развитие самоедологии.

Основную часть докладов на секционных заседаниях составили доклады по селькупской и хантыйской тематике. Но, вероятно, читателям журнала будут интересны и доклады по русской диалектной лексикографии и различным аспектам кетского и тюркских языков.

Во второй раз после А. П. Дульзона (1971) в текущем году (буквально во время конференции) стало известно, что комплексная лексикографическая работа группы сотрудников Томского государственного университета под руководством О. И. Блиновой отмечена Государственной премией РФ. В докладе О. И. Блиновой «Лексикографические исследования духовной и материальной культуры этноса» на материале диалектных словарей русского населения Среднего Приобья рассмотрены итоги и перспективы лексикографического отражения народной культуры сибирского крестьянства, определены историколингвистические возможности областных словарей разных жанров для изучения различных аспектов народной культуры и намечены основные направления лингвокультуроведческих исследований.

В докладах сотрудников О. И. Блиновой детализировались отдельные положения

разрабатываемой темы: Е. А. Юрина, «Областной словарь как источник изучения культуры народа», Г. В. Калиткина, «Отражение языковой картины времени в вершининском говоре», З. И. Резанова, «Ценностный фрагмент языковой картины мира (словообразовательная система)».

Следует отметить, что разработки лексикографической группы О. И. Блиновой (и ранее В. В. Палагиной) вполне применимы для лексикографической работы в сфере диалектографии самодийских и обско-угорских языков (преимущественно селькупского и хантыйского), что выдвигается в качестве актуальнейшего направления в деятельности Лаборатории языков народов Сибирского Севера на ближайшее время.

Ряд докладов был посвящен строю кетского языка. Р. Деннинг (Хайльбронн) в докладе «К структуре кетского имени» обосновал свое предположение о том, что имя строится по одним принципам с глаголом из тех же строевых элементов (морфем). Отсюда вытекает возможность создания единой концепции описания морфологии кетского языка; в этимологических исследованиях появляется критерий для определения языковой принадлежности морфемы или слова в целом; в фонетических исследованиях проясняются определенные фонетические процессы и их фонологическая трактовка.

С. С. Буторин (Новосибирск) в докладе «О диатезах и пассивном залоге в кетском языке» констатировал наличие в кетском языке диатезы, названной агентивным имперсоналом. Это сделано в результате анализа изменения согласовательного механизма производных синтаксических конструкций с вычеркнутым агенсом, которые ранее относились исследователями к пассивным или результативным конструкциям. Отмечена основная функция агентивного имперсонала — формирование прагматического пика высказывания.

В совместном докладе Н. М. Гришиной и С. С. Буториной (Новосибирск) «Морфолого-синтаксическая классификация финитных глагольных словоформ в кетском языке» предложена классификация, построенная с учетом механизма согласования глагольной словоформы с ближайшими актантами, т.е. актантами, маркированными в составе словоформы лично-классными показателями.

В. М. Телякова (Новокузнецк), «Сложные предложения со скрепами *-ганы* и *-ганын* в шорском языке», сопоставила семантику сложных предложений с названными скрепами и выявила их сходство, позволяющее делить предложения на три группы: 1) предложения с включенным глаголом восприятия, 2) предложения с эллипсисом глагола восприятия и 3) предложения, не выражающие значение восприятия действительности. В результате подробного анализа этих групп констатируется, что обе скрепы употребляются в конструкциях изъяснения и следствия (*-ганын* реже) и что конечный формант *-ы* представляет собой модификацию форманта *-ын*.

На разных секционных заседаниях недавно утвержденный доктор филологических наук В. В. Быконя (Томск) выступила с двумя докладами: «Выражение картины мира селькупов в системе числительных первого десятка» и «*qom/qip* 'человек' в системе пространственно-временных представлений селькупов». В первом прослежен возможный путь формирования числовых наименований первого десятка. В них отражена полная картина мира, которая показывает, что осознание человеком своего места в природе через самого себя базировалось на противопоставлениях: «земля — человек», «животное — человек», «рождение — смерть», «мир по горизонтали — мир по вертикали», «уход в нижний мир — уход в верхний мир». Во втором анализируются самоназвания представителей этноса *söl/qip* и *süsssekum*. В них отражены две картины мира: в одном случае преобладает чувство вертикального пространства (корень *so-* → *sö-*), в другом — чувство горизонтального пространства (корень *su-* → *sü-*). *s*-овый элемент передает идею рождения, роста; корни *sö-* ~ *sü-* представлены в имени *sö, sü* 'земля, способная рожать растительность'. Двойственная природа понятия *qom/qip* проявляется во взаимосвязи двух временных срезов — вечного и мирского, т.е. непроходящего времени и времени, движущегося по спирали.

В докладе А. А. Ким (Томск) «Селькупская культовая лексика и картина мира» предпринята попытка дать реконструкцию культовой сферы жизни селькупов, исходя из анализа соответствующей селькупской лексики. Определены понятийные сферы, группирующие селькупскую

культовую лексику: субъекты культа (шаманы и подобные им люди); объекты культа (сверхъестественные существа); предметы культа (атрибуты шаманов, их одежда, язык); элементы культа (души — партиципации жертвы). Каждая из сфер представляется расчлененной по данным лексики: выделяется по несколько различных основ для обозначения понятий (например, для понятия души — 7 основ).

Н. В. Деннинг (Гамбург—Хайльбронн), «О языке селькупского фольклора», проанализировала языковые особенности грех жанров селькупского фольклора — волшебной сказки, сказки о животных, бытовых текстов и рассказов.

В докладе Ю. А. Морева (Томск) «О «двуликых» фонемах в селькупском языке» отмечено, что современное состояние консонантизма в селькупских диалектах отражает различные этапы звуковых изменений. Часть консонантных изменений по диалектам может интерпретироваться как фонетические, другая часть — как фонологические, причем те и другие изменения могут быть различной хронологической глубины. В современном состоянии консонантной системы одного и того же диалекта наблюдаются отдельные переходные единицы, представляющие собой сливающиеся фонемы. Сливающиеся фонемы (например, */s/* и */h/* в группе южноселькупских говоров) предлагается трактовать на синхронном уровне как одну «двуликую» фонему */s/h/* с особой репрезентацией. Определенные изменения в консонантной системе того или иного селькупского диалекта приводят к смешению ряда грамматических значений. В проанализированных консонантных изменениях выявляются два основных типа фонологизации: шепление и слияние.

С. В. Глушков (Томск), «К проблеме дифференциальных признаков шумных смычных согласных селькупского языка», привел мнения различных исследователей о наличии определенной связи между такими кардинальными признаками шумных смычных согласных, как длительность, напряженность, глухость. Докладчиком обосновывается предположение, высказанное ранее Ю. А. Моревым, о наличии совокупного дифференциального признака в данной системе согласных.

В совместном докладе И. А. Илья-

шенко и Н. П. Максимовой (Томск) «К вопросу о происхождении личных местоимений в селькупском языке» отмечено, что в селькупском, как и в других самодийских и финно-угорских языках, существует трехчленная система личных местоимений, которые характеризуются наличием категории лица, отнесенностью к акту речи, преимущественным употреблением в отношении к людям. Им свойственно изменение по числам и падежам. Специфические особенности личных местоимений первых двух лиц и местоимений 3-го лица проявляются в различных способах образования числовых и падежных форм. Эти особенности находят свое объяснение как в плане семантики, так и в происхождении этих местоимений: личные местоимения 3-го лица более поздно отделились от указательных местоимений.

Также совместный доклад Н. Г. Кузнецовой и Л. М. Болсуновской (Томск) «Фазовая структура процесса и ее передача средствами селькупского языка» был прекрасно иллюстрирован различными материалами предшественников и собственными данными по тымскому, обскому, кетскому и нарымскому диалектам. Рассмотрены аналитические конструкции со значением начальности, аналитические конструкции со значением развития (течения, продолжения) процесса и аналитические конструкции со значением законченности действия. Выявлен инвентарь морфологических показателей, показана структура аналитических конструкций, распределение фазовых глаголов по диалектам, проанализирована сочетаемость фазовых глаголов с инфинитивными формами от основ разного вида.

«Омонимы и омоформы в сфере производной глагольной лексики селькупского языка» были предметом рассмотрения Е. В. Зыряновой (Томск). В сфере производной глагольной лексики селькупского языка омонимия (омоформия) — явление достаточно распространенное. Среди ее источников выделяются конверсия и фонетические процессы. Несмотря на наличие в прошлом состоянии селькупского языка омонимической конверсии, число омоформ среди парадигматических форм селькупских имен и глаголов в настоящее время ограничено.

С. Ю. Колесникова (Томск), «Названия

календарных сезонов в селькупском языке», отметила, что зафиксированная в селькупском языке классификация природно-климатических сезонов совпадает с европейским членением года. Большинство из проанализированных селькупских лексических единиц, привлеченных для обозначения этих сезонов, наряду со значениями 'зима', 'весна', 'лето', 'осень', обладают и иным, более конкретным значением. Источником рассмотренных лексем являются уральский, самодийский, селькупский лексические пласты. Предполагается, что у селькупов до прихода русских было три сезона, условно соответствовавшие европейским 'лету', 'зиме', 'осени', и слова для обозначения этих сезонов. Сформированного понятия, аналогичного понятию 'весна', как и слова для его обозначения, не было. Процесс абстрагирования лексических единиц, которые изначально обозначали конкретные явления окружающей среды и которые впоследствии обрели более абстрактное значение, явился результатом развития общества, в том числе и под влиянием пришлого русского населения. Сбор лингвистического материала осуществлялся на основе европейской календарной системы, поэтому восстановление особенностей исконного селькупского понимания времени затруднено и осуществляется вынужденно в тесной связи с европейским пониманием времени.

Самодийскую часть тематики с ее «селькупоцентрической» направленностью заключила А. К. Столярова (Бийск) докладом «К вопросу о словесном ударении в нганасанском языке». Она констатировала слабую разработанность данного вопроса и фрагментарность имеющихся описаний, к тому же достаточно противоречивых. Предложена своего рода программа преодоления неясностей по сути обсуждаемого явления: необходимо в первую очередь выяснить, есть ли сингармонизм в нганасанском языке; не является ли сингармонизм цементирующей основой слога, регулирующей артикуляционно-акустическое взаимодействие звуков; какова, наконец, сама структура слога как произносительной единицы нганасанского языка — единицы, организующей гласные и согласные; если сингармонизм — это своеобразный результат коартикуляции между гласными и согласными, то слог нужно исследовать с точки зрения сингармонизма; соответственно,

следует отказаться от взгляда на ударение с точки зрения «евроцентризма». Решение этих вопросов должно быть основано на фонологическом подходе к явлениям звуковых модификаций.

Достаточно объемной и разносторонней была хантыйская часть докладов. Так, О. А. Осипова (Томск), «О некоторых способах выражения оппозиции одушевленности / неодушевленности в хантыйском языке», показала, что в хантыйских диалектах можно проследить одну из наиболее древних оппозиций выражения одушевленности / неодушевленности: человек — вещь. Маркер одушевленности *qi* 'человек' первоначально, видимо, относился ко всем живым существам вне зависимости от принадлежности к полу. На вещь указывает маркер *of* 'вещь'. Однако в настоящее время эта оппозиция нарушается: есть случаи, когда для имен женского рода используется слово-маркер *ni*, а маркер *of* постепенно вытесняет *qi* для обозначения деятеля.

З. И. Рандымова (Салехард) в докладе «Процесс познания окружающей среды в словообразовательных моделях хантыйского языка» рассмотрела конструкции сложных слов, относящихся к пространственной ориентации. В сложных словах подчинительного типа *хотвол* 'стойбище', *ратвол* 'кострище' один из компонентов выступает в качестве главного, первая часть слова конкретизирует. В номинациях *хот путар*, *лор путар* слово *путар* означает ограниченное пространство, возникло по подобию озера. В понятиях *сохал сыл*, *сах сыл*, *ёхан сыл* слово *сыл* означает продолжность, удлинённость, возникло по подобию берега реки. Наименования разного рода вместилищ — сосудов (чашек, мисок, ложек и т.д.), а также мешков включают понятие *тэл*. Со словом *сас* 'спина' образуются понятия, относящиеся к задней части чего-либо, а со словом *вес* 'лицо' — понятия, обозначающие переднюю часть чего-либо. Таким образом, частью сложных слов являются слова-конкретизаторы. Для ориентации в пространстве используют знакомые очертания озер, рек, частей тела человека, а также его одежды.

Н. В. Лукина (Томск), «Отражение межэтнических связей в терминологии родства хантов», на основе литературных данных и собственных полевых материалов сравнила принципы наименования родственников у хантов с таковыми у других народов. Вы-

явлена особая близость восточнохантыйских терминов родства и свойства селькупским терминам.

М. А. Лапина (Ханты-Мансийск) в докладе «Современное состояние этических традиций хантов» проанализировала происходящие в обществе изменения и их следствия. В последние годы растет самосознание народа, проявляется стремление к возрождению этических традиций, без чего ханты потеряют национально-культурную самобытность.

С этой темой связаны и положения доклада Т. А. Молдановой (Ханты-Мансийск) «Поиск путей сохранения традиционной культуры обско-угорских народов». Она считает, что начиная с 1989 г. идет процесс пробуждения национального самосознания, направленный на сохранение коренных народов как этносов. Объективной основой для сохранения языка и культуры служит традиционный уклад жизни, с тенденцией постепенного и естественного освоения достижений цивилизации. Здесь наиболее ценным является оленеводство, при нем в полной мере сохраняется материальная и духовная культура. Значительная часть коренного населения (38,4 %) проживает в городах и поселках, где для сохранения языка и культуры необходимы особые условия. Существующие программы практически не дают результатов. Идет поиск, создаются экспериментальные школы, «этнографические стойбища», направленные на передачу максимума знаний по культуре и языку путем погружения детей в этнографическую и природную среду. В сфере культуры главными направлениями сохранения и возрождения ее видятся народные искусства и фольклор. Работа ведется как в традиционных, так и в современных формах.

Т. А. Молданов (Ханты-Мансийск) в докладе «Степень сохранности фольклора хантов в Ханты-Мансийском автономном округе» проанализировал собранный фольклорный материал за период с 1989 по 1997 г.

О. М. Рындина (Томск) представила доклад «Орнаментальное своеобразие восточных хантов как свидетельство этникокультурных контактов их предков с кетами».

Доклад Ю. А. Ожередова (Томск) «К вопросу о состоянии памятников традиционного этнокультурного наследия в бассейне р. Тым» был посвящен результатам восьми

экспедиций автора (1984—1995 гг.) в разные районы течения Тыма от его устья до крайнего северо-восточного жилого пос. Ванжиль-Кынак. Среди прочего обследованы четыре археологических памятника, два из которых ранее не были известны.

Н. А. Тучкова (Томск), «Представления о камне у селькупов», отметила, что в мировоззрении самодийских народов камень воспринимается не как производная часть земной возвышенности; камень — это нечто, не принадлежащее земле, положенное на нее сверху для придания устойчивости. Камни не осмысляются как земное порождение, они именно «взяты» и «положены» на землю.

В докладе В. М. Кулемзина (Томск) «Игра как феномен культуры» затронут вопрос, который в науке не рассматривался: отношение культуры к игре и игры к культуре. По мнению докладчика, культура — это признание нормы, тогда как игра — это непризнание нормы, выход за пределы культуры, дозволяемого ею.

По-своему интересными были доклады начинающих исследователей: студентки ТГПУ Д. А. Кудряшовой, селькупки по национальности, «Материалы по истории юрт Иванкиных»; аспирантов первого года обучения из Лаборатории языков народов Сибири ТГПУ А. Ю. Фильченко «Причастные формы в уральских языках: ситуация и проблемы» и Н. Н. Шаламовой «О некоторых хантыйских суффиксах, имеющих видовое значение».

Оживленную дискуссию вызвали доклады практических работников образования:

З. Е. Баскончиной (пос. Иванкино Колпашевского района Томской области) «К методике проведения уроков по краеведению в национальной селькупской школе»; Т. К. Кудряшовой «Особенности трудового обучения в национальной селькупской школе» и Г. Р. Малаховой «Элементы этнопедагогического воспитания на уроках сибиреведения в национальной селькупской школе» (обе из пос. Белояровка Колпашевского района Томской области).

В заключение следует отметить, что на конференции в рамках работы секции «Этносы Сибири: язык и культура» заслушано 35 докладов по следующим основным направлениям: 1) проблемы лексики, фонетики и грамматики малочисленных народов Сибири, 2) картина мира в лексико-семантических системах, 3) лексикографическое описание диалектов и говоров, 4) сибирский фольклор, 5) традиционная культура народов Сибири, 6) проблемы преподавания в национальной школе.

Принятая на конференции резолюция констатировала, среди прочего, высокий уровень представленных на ней докладов и необходимость их публикации. Единодушно была поддержана идея проведения в Томске на базе ТГПУ в 2000 году международной междисциплинарной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора А. П. Дульзона (рабочая тематика конференции — «Отдаленное родство языков и культур: общности и взаимовлияния»).

Ю. А. МОРЕВ (Томск)